

Мысли, высказанные певцей, многим могут показаться несвоевременными и спорными. Но не спешите осуждать их. Подумайте: у всех ли хватит решимости честно высказывать свои суждения, не страдая стать непопулярной, что для артиста самое страшное наказание.

— Я поздравляю вас, Людмила Георгиевна, с избранием президентом Академии народной культуры! Расскажите, как вы решились на такой шаг?

— Эта организация всеобъемлющая: за что ни возьмешься, все можно отнести к сфере культуры. Допустим, с землей человек работает всю жизнь, но как ее облагородить — не знает. Один просто запахал в землю зерно, а другой это сделал с любовью.

Вот мы и хотим попытаться привить культуру и колхозам, и нашим деревням. В первую очередь потому, что эстетическим и культурным воспитанием в деревне, к сожалению, почти никто не занимается, хотя у нас много клубных работников. Нужно, чтобы они не замыкались в одном Дворце культуры, а выходили в народ, в поле, к людям. И не гостями, а хозяевами. Мы хотим привить культуру и нашей молодежи. Мне говорят, что она развращена и испорчена. Неправда! Мы ее просто отучили понимать красивое, мы привыкли все за нее делать, а нужно больше доверять молодежи.

— Вы уже подобрали штат специалистов, которые будут работать в академии под вашим руководством?

— Почему под моим? Мы хотим без руководства, все вместе. Вы, наверное, уже слышали, что мы приняли в действительные члены академии народную артистку Советского Союза Татьяну Доронинову, Героя Социалистического Труда, председателя колхоза Стародубцева, Валентину Терешкову, маршала Гарилова. Я хочу привлечь к нам художников, поэтов, писателей, а также и рабочих, директоров предприятий.

— Как вы относитесь к тому, что землю начинают перераспределять фермерам, совместным предприятиям?

— Я считаю, это неправильно. Все это может жить, но только с одним условием — должно быть цен-тра-ли-зо-ва-но! Ведь что такое фермер? Вот я, скажем, руководжу фермой, у меня есть, допустим, коровы...

— Неужели при вашей академии...

— Да, это тоже будет! И даже в обязательном порядке. В отделении Стародубцева. Он является вице-президентом международного Совета по культуре земледелия. Прежде чем разбазаривать землю, должны быть налажены внутриколхозные дела.

— Ну когда же все-таки начнутся? Еще столыпинские реформы предполагали фермерство.

— Как может фермерство сегодня развиваться, если с фермера берут шестьдесят процентов налога? Зачем ему это надо? Вы помните мое выступление в Кремле на совещании ветеранов войны? Когда я сказала, что у народа в холодильниках все есть. У нас на прилавках ничего нет, а в холодильниках есть все. Потому что тот,

кто работает в нашей стране, тот ест. И только в нашей стране можно, не работая, кушать.

За границей такого безобразия, которое у нас происходит, нет. Там, если ты прогулялся, тебя просто вышвырнут с предприятия. Если плохо работаешь, тоже вышвырнут. Если ты напился — тоже никому не нужен. А у нас с каждым нынче. Мне написала одна женщина: ей сорок лет, она уже восемь лет не работает, у нее двое детей. Конечно, у нее никогда не будет полного холодильника.

Я скажу вам о себе. Все думаю — Зыкина, Зыкина, ах, ах, ах! Но в моей жизни были критические моменты, да и сейчас их хватает. И когда мне было очень сложно, я не чуралась никакой работы: и полы мыла, и стирала, и работала на станко-строительном заводе имени

и купили продукты на рынке.

— В публикации «Огонька» Юрий Любимов, вспоминая подробности трагедии театра аппаратом Министрства культуры, на изумленный вопрос корреспондента: «Неужели до Фурцевой не доходило?» — отвечает: «До нее Зыкина доходила, когда они вместе закладывали, парились».

— Вы знаете, я никогда в жизни алкоголизмом не занималась. А Фурцева, между прочим, очень многое сделала для Любимова, а он оказался неблагодарным и злым человеком. То, что сегодня он в театре, я считаю, не очень хорошая находка для нашего общества. Очень талантливый человек, но еще больший авантюрист.

И еще о Фурцевой. Екатерина Алексеевна была очень большим человеком в куль-

большим дипломатом, а значит, уметь дипломатично лгать, что и делает Борис Николаевич Ельцин. Он очень большой политик, я его прекрасно знаю. А лидера на сегодняшний день в России не вижу.

— Много сейчас выступлений, критикующих уставленные в армии порядки...

— Не знаю, какие порядки они критикуют. Мне кажется, надо критиковать прежде всего себя. Это наши дети приходят в армию служить, и какими мы их воспитаем, такими они и будут. Наше счастье, если в армии направят их энергию в правильное русло.

Но вот, когда говорят — нужно разоружаться, сокращать армию, это не правильно.

— Простых людей раздражают генералы, которые имеют богатые дачи.

— А что, народ наш не строит дач?

— Но не такие же дорогие!

— А какие? Да и не живут генералы на шикарных дачах. Я близко знакома с семьей маршала Язова. Он же жизни своей не видит! Все время на службе, все время работает — в гостях, дома, на даче.

Его жена, Эмма Евгеньевна, говорит: «Я его почти никогда не вижу». И при всем он очень эрудированный человек. Прекрасно знает литературу, музыку. Поэтом мне было больно и досадно, когда называли его фамилию, как какого-то барина.

— Но давайте вернемся к профессии артиста. Мне кажется, у нас получается так: если артист знаменит, если его любят и почитают, то обязательно ввинтят в политику, и станет он политическим деятелем поневоле. Взять, к примеру, вас и Марию Каллас. Она великая актриса итальянской оперы, вы — великая русская. Но, говоря о ней, мы вспоминаем трагическую историю женщины, которая скончалась от любви...

— Да ерунда все это! Она умерла от того, что похудела. Как раз у нас был конкурс Чайковского, и она приехала по приглашению Фурцевой. Такая худышка! Как раз в это время она разошлась со своим Онассисом, и он женился на Жаклин Кеннеди. Каллас страшно переживала, она его действительно любила.

— Почему я, собственно, заговорила о Каллас? Ей, должно быть, и в голову бы не пришло заниматься политической деятельностью. Или Россия политизирует людей?

— Просто я поняла, что, если этим не буду заниматься, вряд ли кто подымет эту машину. Я, конечно, счастлива, что в любую дверь могу войти и люди ко мне с уважением и доверием относятся. Я постараюсь их отношение сохранить до конца жизни. Мне всегда хочется сделать что-то хорошее. Академия наша будет объединять людей всех национальностей: русских, таджиков, итальянцев, немцев... Я считаю, что культурный человек не может быть злым, завистливым и, самое главное, не сможет убить другого человека.

Людмила ЗЫКИНА:

«Я не умею лгать самой себе»

Серго Орджоникидзе токарем.

Когда у меня пропал голос, я пришла в Первую образцовую типографию имени Миданова и мыла валы. Знакомый парень, с которым пошла в кино, как-то поздоровался со мной и удивился: «Что это у тебя такие жесткие корявые руки?». А я говорю: «Что, не нравится рука рабочей?». Повернулась и ушла.

У нас вся беда в одном: мы разучились уважать друг друга и нет дисциплины. Я опять утрированно говорю, почти так же, как с холодильниками, но, к сожалению, это так.

— Однако служи, которые о вас ходят, разные. Говорят, далеки вы от народа.

— Ну как я могу быть далекой от народа, когда каждый год выезжаю именно в село, в районы и совсем не работаю в городах! Даже мои приятели говорят, что не видят меня и не слышат. Выступаем не только в залах, но и в поле, работаем на зеленых площадках, договариваемся с секретарями районных комитетов, чтоб люди увидели наши выступления.

— Когда вы баллотировались вместе с Ельциным в народные депутаты, кто-то задал вопрос: «Как вы можете быть депутатом, когда Россию видите из окна своего «мерседеса»?

— Такого вопроса не было. Был другой: как я отношусь к современной печати? Ответила: очень плохо. А «мерседес»... У меня никогда его не было. Я всю жизнь на наших машинах езжу. Много общаюсь с простыми людьми. И знаю, что нужно сделать, чтобы благосостояние нашего человека улучшалось с каждым днем. Я никогда не пользовалась спецмашинами, кожу в простые. Или попрошу кого-то, чтоб пошл

туре. Я спросила ее как-то: «Как же вы будете разбираться, допустим, в скульптуре?». А она говорит: «И не собираюсь разбираться. Позову Вучетича, всех самых лучших скульпторов». Так и было. Они разговаривали между собой, а она сидела и слушала. И в литературе так же.

Да, я ходила с ней в баню и счастлива, что родилась в ту пору, когда она была министром. Многому от нее научилась. Она ни одного актера на «ты» не назвала, несмотря на то, что за одним столом с ними, бывало, сидела.

— Как вы относитесь к современным женщинам, которые занимаются политической, таким, как Старовойтова, Прунсене, Нина Андреева?

— Люди, которые занимаются политикой в открытую, если знают, куда вести народ, и могут своим трудом доказать, что именно так надо жить, пусть ею занимаются. Это хорошая политика. А когда только «для-ля», то это грязная политика.

Важно не состоять в какой-либо партии, а принести людям радость. Я не вступила в партию — у меня никогда не было времени, я всегда была занята, училась, работала... Я — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, премии имени Глинки, у меня есть два ордена Ленина и другие ордена и медали. Себя я не считаю вне партии и нисколько не отделяю ее от народа. Я не умею лгать самой себе. Актер, когда он выходит на сцену, проговаривает чужую роль и чужую жизнь, а я пою свою песню про свою жизнь. Поэтому и певцей стала. А вот лгать людям я не умею.

— А это необходимо?

— Да. Нужно иногда быть

Беседу вел А. ЛОКТЕВА.